

О. И. Кулагин

**ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ
ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ
ФИННО-УГОРСКОГО РЕГИОНА РОССИИ***

Статья посвящена исследованию влияния природного потенциала Карелии на успешность социально-экономического развития республики. Лесная промышленность особенно в течение вт. пол. XX в. стала основой социально-экономического развития данного финно-угорского региона. Анализ использования природного потенциала и, прежде всего, лесных ресурсов Карелии в течение рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о его нерациональном характере. Географическая доступность и сравнительная дешевизна карельской древесины стали факторами серьезного истощения природного потенциала республики к концу XX столетия. Это, в свою очередь, привело к снижению показателей производственного, демографического и социально-инфраструктурного потенциалов Карелии в сравнении с соседними регионами Северо-Запада России.

Ключевые слова: Карелия, лесные ресурсы, природный потенциал, финно-угорский регион, вторая половина XX века.

Неравномерность развития различных регионов России – одна из насущных проблем развития нашей страны, а также одно из актуальных направлений современных научных исследований в сфере экономики, социологии и культуры. Каждый регион обладает некоторым природно-ресурсным потенциалом, который воздействует на структуру экономики региона, территориальную организацию общественного производства и, в конечном счете, на уровень развития региона и уровень жизни населения. Согласно определению У. В. Дудиной, природным потенциалом региона является часть совокупности природных ресурсов, которые при данном уровне экономического и технологического развития общества и места исследования могут быть использованы в хозяйственной и других видах деятельности человека в настоящем и в будущем [5. С. 50]. Ряд исследователей

* Работа выполнена при поддержке программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

считает, что парадокс настоящего времени состоит в том, что проблема ресурсного потенциала анализируется недостаточно, экономическая оценка его в управлении практически не применяется. Сам же ресурсный потенциал не сохраняется и не приумножается [23. С. 79–86]. Однако необходимо признать, что большинство исследований природного потенциала регионов связано с экономической оценкой, цель которой состоит в попытке объективно отразить то, что теряет народное хозяйство при уничтожении ресурса или отказе от его эксплуатации ради использования территории, где этот ресурс находится, для другой хозяйственной деятельности [22. С. 172–175]. При этом стоит признать, что в гораздо меньшей степени предпринимаются попытки исследовать природный потенциал региона с точки зрения исторической ретроспекции. К комплексным исследованиям такого рода можно отнести работы И. Р. Шегельмана [24, 25], в которых автор, в частности, приходит к выводу, что важнейший фактор развития Республики Карелия – это ресурсы и кластеризация ее экономики [26. С. 100].

Основной отраслью промышленного развития ряда финно-угорских регионов России и в частности Карелии всегда была и остается лесная промышленность. На протяжении столетий лес для местного населения, с учетом сложных природно-климатических особенностей, зачастую становился основным условием существования: местом жительства, источником строительных материалов, дров и пищи, а также составной частью национальной культуры. Природный потенциал Карелии и главным образом ее лесные ресурсы изначально были одним из основных факторов усиленной и односторонней эксплуатации потенциала региона. Особенно интенсивно такая тенденция проявилась во 2-й пол. XX в.

Проблема нерационального использования лесных ресурсов в научных кругах обсуждалась уже в послевоенное время. В 1947 г. на конференции по изучению производительных сил Иркутской обл. (4–10 августа 1947 г.) заместитель директора АН СССР профессор П. В. Васильев отмечал, что «...десятилетиями складывавшаяся диспропорция между лесными ресурсами и потребностью в древесине в основных районах резко возросла в результате войны: оккупанты рубили, а потом и сами рубили там, где легче было достать...» [10. Л. 4]. Докладчик отметил, что государство, несмотря на огромную необходимость в древесине, не может сохранять существующее размещение лесозаготовок, ибо это повлечет за собой ослабление водоохранной, водорегулирующей и полезащитной роли наших лесов в основных сельскохозяйственных районах страны; угрозу обмеления важнейших водных магистралей. Указывалось, что необходимо перебазировать лесозаготовки в северо-восточные районы страны и начать разрабатывать их в районах Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке. Это должно было сопровождаться уменьшением лесозаготовок на Украине, в Белоруссии и других малолесных районах, что предусматривалось в планах Министерства лесной промышленности. Уже на 1950 год оно наметило уменьшение лесозаготовок на Украине на 4 млн. куб. и в Белоруссии – на 4,5 млн. [10. Л. 5]. Однако территории многолесных районов Северо-Запада страны данная тенденция не затронула.

Более того, задачи восстановления экономики страны после войны способствовали тому, что предприятиям и организациям передавался даже гослесфонд лесопарков и заповедников. Распоряжением № 852р Совмина СССР от 28 января

1949 г. было решено принять предложение Министерства лесного хозяйства СССР об отводе предприятиям, учреждениям и организациям для разработки рудных и нерудных ископаемых, под различные виды строительства и для организации подсобных хозяйств, лесопарков и заповедников 1680 га земли гослесфонда, в том числе – 1275 га, покрытых лесом. Согласно этому распоряжению по Карело-Финской ССР Управлению пограничных войск Карело-Финского округа Министерства внутренних дел СССР под строительство трассы электропередачи из ведения Суоярвского лесничества Суоярвского лесхоза передавалась территория площадью 25,0 га, в том числе покрытой лесом – 6,7 га с правом вырубki леса. Вырубаемую древесину необходимо было передать Управлению пограничных войск Карело-Финского округа с зачетом в лесосечный фонд Министерства внутренних дел СССР по КФССР [1. Л. 103, 112].

Характерно, что уже с нач. 1950-х гг. проблемы освоения лесных ресурсов Европейской части СССР и Карелии, в частности, приводили к тому, что Министерство лесной и бумажной промышленности СССР вынуждено было просить Госплан СССР о срочной перевозке лесоматериалов из восточных районов страны. Госплан СССР сообщал Председателю Комиссии по планированию железнодорожных и водных перевозок при Совмине СССР В. М. Молотову, что в результате резкого невыполнения Министерством лесной и бумажной промышленности СССР плана лесозаготовок в 1 полугодии 1950 г., в особенности в Карело-Финской ССР и районах Севера, создалось напряженное положение с обеспечением народного хозяйства круглым строительным лесом и пиломатериалами, в частности по районам Юга и Кавказа. Учитывая сложившийся в 3 квартале 1950 г. дефицит ресурсов круглого строительного леса и обычных пиломатериалов в Европейской части СССР для обеспечения важнейших потребителей, Госплан СССР посчитал возможным разрешить Министерству лесной и бумажной промышленности СССР перевозку в 3 квартале 1950 г. 35 тыс. вагонов круглого леса и пиломатериалов с железных дорог Сибири в районы Урала и с железных дорог Урала – в районы Кавказа и Юга [20. Л. 89–90]. Другими словами, уже в нач. 1950-х гг. проблемы с выполнением плана поставок древесины из Карелии вынуждали руководство страны начать вывозить древесину из районов Урала и Сибири.

Согласно исследованиям, проводившимся в кон. 1950-х гг. Сектором лесных ресурсов при Совете по изучению производительных сил при Госэкономсовете СССР, Карелия в это время в сравнении с Архангельской обл. и Коми АССР отличалась меньшим удельным весом покрытой лесом площади – 59,2 % (в Архангельской обл. – 69,2 %, в Коми – 69,1 %) и повышенным участием нелесных земель, представленных главным образом болотами – 35 % (в Архангельской обл. – 23 %, в Коми – 23,7 %). Доля не покрытой лесом площади в составе всей лесной площади этих регионов была примерно одинакова: Карелия – 5,5 %, Архангельская обл. – 7,8 %, Коми – 7,2 %. При этом в КАССР площадь, покрытая лесом в абсолютном выражении (8315 тыс. га) в 2,2 раза была меньше, чем в Архангельской обл. и в 3,2 меньше, чем в Коми. В то же время леса КАССР по участию и соотношению хвойных и лиственных пород в сумме площадей и запасов древесины были приблизительно равноценны тогда с Архангельской обл., но заметно превосходили леса Коми [12. Л. 5–6]. Данная статистика позволяет говорить о том, что лесные

ресурсы Карелии уже к кон. 1950-х гг. были существенно более исчерпаны в сравнении с соседними традиционно лесопромышленными регионами.

Говоря о качестве лесов, стоит отметить, что в Карельской АССР имелось 3 группы лесов (к этой группе относятся леса многолесных регионов, имеющие преимущественно эксплуатационное значение) – 93,5 %, 2-й (к этой группе относятся леса в регионах с высокой плотностью населения и развитой сетью транспортных путей, леса, выполняющие оздоровительные и защитные функции, имеющие ограниченное эксплуатационное значение) – 3,9 %, 1-й (к этой группе относятся леса, основным назначением которых является выполнение защитных функций, и леса особо охраняемых природных территорий) – 2,6 %. При этом в 1959 г. генеральным планом развития лесного хозяйства республики было предусмотрено постепенно, до 1970 г., перевести из 3-й группы лесов во 2-ю 3817 тыс. га общей площади. В Архангельской обл. леса почти полностью (на 99,8 %) и в Коми (на 99,9 %) относились тогда к 3-й группе. При этом в КАССР к лесам 3-й группы относилось 7276 тыс. га из 7774 тыс. га покрытой лесом площади, что означало: вся эксплуатационная часть в регионе освоенная. В Архангельской обл. в эксплуатационной части лесов 3-й группы из 17459 тыс. га покрытой лесом площади было учтено на 1 января 1956 г. всего 10 150 тыс. га, или 58,1 %. В Коми было учтено всего 26 024 тыс. га при освоенных 15064 тыс. га, или 57,9 %. В Карелии на тот момент по качеству древесины преобладали среди хвойных спелые и перестойные древостои. Еще больший удельный вес спелых и перестойных древостоев был зафиксирован в Архангельской обл. и Коми (в целом и по хвойным хозяйствам – 82–87 %). Лесистость, понимаемая как отношение покрытой лесом площади во всех лесах к территории суши была: в КАССР – 48,1 %, в Архангельской обл. – 33,3 %, Коми – 67 %. Сравнение КАССР в том числе с Швецией, Финляндией и Норвегией позволило сотруднику Сектора лесных ресурсов Н. В. Невзорову сделать вывод, что в КАССР продолжало вестись экстенсивное лесное хозяйство с незначительными по объему и качеству мероприятиями по восстановлению и повышению продуктивности лесов. Отмечалось также, что зарубежные страны отличались на тот момент несравненно лучшими показателями общего и среднего прироста [12. Л. 8–9, 11, 16]. Сравнение динамики освоения лесных массивов в Карельской АССР, Коми АССР и Архангельской обл. позволяют сделать вывод, что именно качество карельской древесины, ее большая освоенность и географическая доступность превратили ее в данный период в объект наиболее интенсивной эксплуатации со стороны государства.

При этом, согласно расчетам экономистов Совета по изучению производительных сил при Госэкономсовете СССР, подготовленного в 1961 г., при сохранении существовавших на тот момент способов потребления древесины, даже при в 1,5–2 раза меньших удельных нормах расхода ее в угольной промышленности, строительстве и на железнодорожном строительстве, общий объем потребления должен был дойти к 1980 г. до 800–900 млн. куб. в сравнении с 400 млн. куб. в нач. 1960-х гг. При этом сотрудникам СИПС решение проблемы виделось двумя способами. Первый был связан с ликвидацией всякого рода излишков древесины и замены древесины в производстве искусственными материалами.

Однако реализация такого варианта упиралась в проблемы развития отечественного машиностроения. Второй способ решения проблемы виделся в освоении резервных лесов в многолесных районах: Северо-Востока Европейской части, северной части Зауралья и Восточной Сибири. Однако претворить его в жизнь было еще сложнее в силу ряда объективных причин, среди которых в первую очередь было все более увеличивающиеся и без того большие расстояния грузо-перевозок леса. К нач. 1960-х гг. средняя дальность железнодорожных перевозок леса по стране достигала 1600 км в сравнении с 415 км в 1913 г. На Украину и в другие южные районы лесоматериалы везли, преодолевая расстояния в 2000–2500 км, а отдельные сортименты вывозились с места заготовок на еще большие расстояния: 4–5 тыс. км [13. Л. 5, 9–10].

Проблема состояла также в том, что освоение восточных районов сопровождалось поставкой потребителям круглого леса без его глубокой обработки. К примеру, в период с 1940-го по 1959 год в Томской обл. лесозаготовки выросли в 2,8 раза, а лесопиления – всего на 70 %, в Тюменской обл. – в 4,4 раза и в 2,2 раза. Между тем в безлесных областях наблюдалась обратная ситуация. К примеру, в Пензенской, Тульской, Курской обл. при крайне незначительных объемах лесозаготовок лесопиление выросло за предшествующие 20 лет в 14–16 раз. Причем весь этот рост шел за счет распиловки привозного пиловочника на примитивных пильных установках с недопустимо высокими издержками производства. В среднем по пяти союзным республикам (УССР, БССР, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР) в сравнении со средними показателями в зарубежных республиках (Польша, Чехословакия, ГДР, ФРГ, Австрия, Норвегия) с 1 га лесосырьевой площади получали деловой древесины в 2,1 раза меньше, пиломатериалов – в 1,8 раза, а бумаги и картона в 13 раз меньше. Примерно такие же различия получились при сравнении лесов Карелии с лесами Финляндии, Швеции, Норвегии при почти одинаковом годичном приросте на 1 га [13. Л. 11–12].

При этом на самом высоком государственном уровне в Третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г., где основной целью программы было создание плана строительства коммунизма, в отношении использования природных ресурсов было заложено видимое противоречие: наряду с требованием всестороннего и рационального использования природных ресурсов было указано, что «...В целях выигрыша времени в первую очередь будут использоваться природные ресурсы, доступные для быстрого освоения и дающие наибольший народнохозяйственный эффект...». Карелия с ее сохранявшимися запасами лесных ресурсов, которые с транспортной, а следовательно, и экономической точек зрения оставались сравнительно легко доступными, как нельзя лучше «вписывалась» в эту формулу. Следующая же фраза Программы демонстрировала то, что стратегические промышленные интересы государства связаны с другими экономическим районами: «Большое развитие получит промышленность в районах восточнее Урала, обладающих неисчислимыми природными богатствами, сырьевыми и энергетическими источниками» [9].

Перспективы дальнейшей усиленной эксплуатации карельских лесов в кон. 1950-х – нач. 1960-х гг. были усилены катастрофической ситуацией с перерубом расчетной лесосеки в Европейской части страны. По подсчетам сотрудника

СИПС, доктора экономических наук П. В. Васильева, сделанных им в результате исследования, законченного в 1960 г., при сохранении существовавших тогда объемах заготовки запасы спелого леса должны были быть полностью исчерпаны: в Псковской обл. – в 4,5 года, в Новгородской – 6 лет, в Горьковской – 10 лет, в Калининской – 11 лет, в Марийской АССР – 14 лет, в Владимирской – 3 года, в Чувашской – 9 лет, в Пензенской – 7 лет. В 1959 г. рубка превысила годичный прирост по Горьковской обл. и Удмуртской и Марийской АССР в 2 раза, по Чувашии в 1,5 раза, по Псковской обл. – в 3 раза. Даже в Костромской и Кировской обл., считавшихся тогда многолесными, рубки на 50 % превышали прирост. Огромное превышение допускалось в сравнении с годичной расчетной лесосекой по ряду союзных республик: УССР, БССР, прибалтийские республики [11. Л. 2–3].

Обеспокоенность руководства страны сохранением нерациональной и непропорциональной эксплуатации лесных ресурсов вызвала к жизни Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 2 августа 1966 г. № 605, в котором Госплану СССР поручалось значительно сократить в 1966–1970 гг. перерубы леса сверх расчетной лесосеки в малолесных районах, а Минлесбумпрому СССР привести к 1971 г. производственные мощности лесозаготовительных предприятий в районах с ограниченными эксплуатационными запасами древесины в соответствие с имеющимися сырьевыми ресурсами. Указанное Постановление не выполнялось, в результате чего к кон. 1960-х гг. особенно неблагоприятное положение с рубками леса сложилось по хвойному хозяйству, по которому в 1968 г. был допущен переруб расчетной лесосеки в районах Европейской части РСФСР и Урала до 60 млн. кубометров. Это было вызвано тем, что за предшествующие годы Минлесбумпром СССР не выполнял планов ввода в действие лесозаготовительных предприятий в многолесных районах РСФСР, что не позволяло перебазировать лесозаготовки в районы Севера, Сибири и Дальнего Востока. К примеру, за 1966–1967 гг. в целом по Главлеспрому было введено в действие мощностей по вывозке древесины на 22 млн. куб. вместо плановых 28 млн. куб. [19. Л. 36].

Опираясь на Постановление 1966 г., руководство Карелии попыталось исправить ситуацию с нерациональным и в перспективе губительным для региона использованием его лесных ресурсов. В частности, на запрос Карельского обкома КПСС в Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР о необходимости сокращения плана вывозки древесины в республике до уровня расчетной лесосеки, оно не дало положительного ответа, ссылаясь при этом на ограниченность выделяемых капитальных вложений на наращивание мощностей по вывозке древесины в восточных районах страны, в связи с чем на 1968 г. были сохранены допускаемые перерубы по расчетной лесосеке во всех районах РФ, в том числе и в Карельской АССР.

Как исключение, Министерство утвердило план вывозки деловой древесины на 1968 год лишь для производственного объединения «Кареллеспром» со снижением по сравнению с 1967 г. на 300 тыс. куб., при контрольных цифрах 1968 г. – 110 тыс. куб. В плане было предусмотрено снижение удельного веса выхода деловой древесины с 85,3 % в 1967 г. до 84 % в 1968-м [6. Л. 3].

Несмотря на отмеченные недостатки, государство и в следующей пятилетке планировало начать активное использование природных богатств Сибири,

включая лесные ресурсы. На совещании, прошедшем 17–18 января 1967 г. при СОПС Госплана СССР, при определении перспектив развития и размещения нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической промышленности в районе Западной Сибири до 1980 г., отмечалось, что в Директивах XXIII съезда КПСС по 5-летнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 г. было указано: «Создать крупный народнохозяйственный комплекс на территории Западной Сибири на базе вновь открытых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств». Согласно расчетам, уже к концу пятилетки Западная Сибирь будет давать 7 % нефти, 11 % природного газа, свыше 7 % вывозки древесины. Наличие здесь крупных лесных ресурсов, избыток воды и дешевое топливо позволят создать здесь крупную базу деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности [16. Л. 3, 10].

Парадоксально, но на заседании СОПС в том же 1967 г. при решении вопроса о развитии предприятий ЛПК из 194 городов, намеченных для этого, только в 35 считалось возможным размещение новых предприятий этой отрасли. Рекомендовали в основном ряд городов УССР и БССР. Факторы включения городов в список рекомендуемых были следующими: наличие свободных трудовых ресурсов, строительных площадок, рудных и нерудных ископаемых, достаточных водных и электроэнергетических ресурсов, транспортных связей, необходимого жилищного фонда [14. Л. 53–54]. Примечательно, что ни северо-западные регионы, ни регионы Сибири не были упомянуты среди приоритетных для размещения новых предприятий ЛПК.

На уровне Госплана РСФСР в 1967 г. из 105 средних и малых городов и 233 поселков городского типа было выявлено, что наиболее благоприятными условиями для развития и размещения промышленных предприятий в 1966–1970 гг. по Северо-Западному экономическому району располагают 24 города и 2 поселка городского типа. Из них 2 – в Архангельской обл., 3 – в Вологодской, 6 – в Ленинградской, 1 – в Мурманской, 3 – в Новгородской, 4 – в Псковской, 3 – в Карелии, 4 – в Коми. Характерно, что из числа средних городов Северо-Западного района для первоочередного развития в 1966–1970 гг. предлагалась почти половина, а из числа малых – только пятая часть. В Карелии такими городами стали Медвежьегорск, Беломорск, Кемь. Примечательно и то, что в отличие от других населенных пунктов, выбранных для дальнейшего промышленного развития на Северо-Западе, три карельских города должны были в дальнейшем развивать почти исключительно только отрасли, связанные с ЛПК [15. Л. 1–3, 27–28].

Несмотря на катастрофический переруб расчетной лесосеки особенно в Европейской части страны, о чем говорилось на протяжении конца 1940-х – 1960-х гг. наиболее крупные объемы лесозаготовительных работ на 1976 г. должны были выполняться: в Коми – 2 млн. га, Вологодской – 1,9 млн. га, по 1,1 млн. га – в КАССР, Свердловской, Кировской, и Костромской обл., 0,8 млн. га – в Краснодарском крае. Лесосечный фонд в государственных лесах 1, 2 и 3 группы проектом плана на 1976 г. предусматривался в размере 380,9 млн. куб., или на 0,8 млн. куб. меньше, чем в 1975 г. Примечательно, что по всем союзным республикам отпуск леса на 1976 г. предусматривался в пределах утвержденной расчетной лесосеки. Однако по ряду областей Европейской части СССР и Урала

предусматривались еще перерубы расчетной лесосеки, которые должны были составить из расчетов Госплана: по КАССР – 2,5 млн. куб. (21 %), Вологодской – 0,5 млн., Кировской – 0,7, Марийской АССР – 0,45 (29 %), Чувашской АССР – 0,15 (14 %), Свердловской обл. – 0,4 млн [21. Л. 2–3, 9]. Таким образом, в абсолютных цифрах переруб расчетной лесосеки в Карелии в сер. 1970-х гг. был значительно выше, чем в других отмеченных регионах.

Результатом стало дальнейшее увеличение среднего расстояния вывозки древесины в регионе: в объединении «Кареллеспром» в 1967 г. оно составило 18,5 км, в 1970 г. – 27,6 км, в 1975 г. – 36,0 км, а в 1977 г. – 35,6 км. В объединении «Архангельскопром» за этот же период расстояние вывозки возросло с 20,9 до 29,0 км, в объединении «Вологдалеспром» – с 23,1 до 45,8 км [24. С. 106].

При этом на развитие капитального строительства в лесном хозяйстве Совету Министров КАССР в 1975 г. было выделено Государственным комитетом лесного хозяйства (Гослесхоз) Совета СССР всего 200 тыс. руб., в том числе 167 тыс. централизованных капиталовложений и 33 тыс. руб. нецентрализованных. Для сравнения, весь объем строительно-монтажных работ по плану государственных капитальных вложений в лесное хозяйство всей РСФСР на 1975 г. составлял 60 100 тыс. руб., в том числе централизованными капитальными вложениями – 34 440 тыс. руб. и нецентрализованными – 25 660 тыс. руб. В результате капитальные вложения в капитальное строительство лесного хозяйства КАССР составляли всего 0,33 % от всего объема финансирования по РСФСР [18. Л. 3–10].

Верховный Совет СССР Законом СССР от 17 июня 1977 г. утвердил Основы лесного законодательства СССР и союзных республик, в которых на первый план в очередной раз было выдвинуто требование непрерывного, неистощительного и рационального пользования лесом. Этим же Законом Верховным Советам союзных республик было поручено привести лесное законодательство в соответствие с этим законом [3. Л. 3]. В 1978 г. был принят Лесной кодекс РСФСР.

Согласно Постановлению ЦК КПСС от 19 декабря 1974 г. «Об упорядочении использования лесных ресурсов и улучшении ведения лесного хозяйства в Карельской АССР» предусматривалось довести объемы лесозаготовок по рубкам главного пользования до уровня расчетной лесосеки к 1980 г. Однако интенсивная эксплуатация лесов и переруб расчетной лесосеки продолжался в районах республики, что вело к дальнейшему истощению запасов лесфонда. По свидетельству Муезерского райкома, согласно утвержденной расчетной лесосеки по лесам 1 и 3 групп, расчетная лесосека по району в 1979 г. составила 1724 тыс. куб.; фактически вырублено 2352 тыс. куб., переруб составил 628 тыс. куб. (36 % к расчетной лесосеке). По отдельным лесхозам процент переруба был еще более значительным: по Ругозерскому мехлесхозу – на 49 %, по Воломскому мехлесхозу – на 50 %, по Лендерскому – 82 % [7. Л. 3–4].

В 1980-х гг. зона Сибири и дальнего Востока давала около 30 % прироста валовой продукции, на развитие отраслей ЛПК в этих районах предполагалось направить около 38 % капитальных вложений. Однако опыт развития ЛПК в восточных районах показал, что превратить эти вновь осваивающиеся территории в районы глубокой переработки древесины не получилось, и они, по сути, стали повторять судьбу северо-западного экономического района и Карелии,

в частности. Отставание в развитии лесоперерабатывающих производств продолжало приводить к внутриотраслевым диспропорциям. В 1980 г. удельный вес в валовой продукции лесозаготовительной промышленности составил 29,1 %, деревообрабатывающей – 49,3 %, целлюлозно-бумажной – 21,6 %. В районах Сибири и дальнего Востока преобладала лесозаготовительная промышленность – 47,8 % и слабо была представлена целлюлозно-бумажная – 13,8 % [17. Л. 3, 5].

В 1980-е гг. Северо-Запад страны продолжал нести основную нагрузку по вывозке древесины, а объективные трудности продолжали сдерживать развитие лесозаготовок на Востоке страны. Более того, согласно данным СОПС на 1984 г., в европейской зоне СССР заготавливалось 63,7 % древесины, в то время как здесь было сосредоточено только около 20 % запасов спелых древостоев [17. Л. 13].

В то же время сложная ситуация, сложившаяся в ЛПК Карелии к 1980 гг., заставляла Минлесбумпром проводить особые совещания для решения назревших проблем. Одно из них под председательством Министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР М. И. Бусыгина было проведено 10 октября 1984 г. В итоге заседания Министр дал ряд поручений. С учетом сложившегося состояния лесного фонда Карельской АССР было решено поручить Союзлеспроекту и Гипролестрансу на основе материалов Союзгипролесхоза подготовить ТЭО совершенствование структуры лесопромышленного производства Карельской АССР, имея в виду максимальное сокращение вывоза круглого леса за пределы республики и развитие комплексно безотходной переработки заготовленной древесины. Было решено также поручить руководству «Кареллеспром» в лице Ю. Н. Иванова, руководствуясь Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1984 г. № 890 «Об улучшении использования лесосырьевых ресурсов», проработать и внести согласованные с заинтересованными организациями предложения по улучшению структуры управления лесопромышленным комплексом Карельской АССР. Оба поручения Министра должны были быть выполнены в течение 1 квартала 1985 г. Вместе с тем работникам Минлесбумпрома было указано рассмотреть предложения «Кареллеспрома» по улучшению структуры управления региональным ЛПК и подготовить для обсуждения у руководителя Госплана СССР и принятия соответствующего решения. Производственному управлению целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности и Союзлеспроекту в 3-х месячный срок было указано подготовить обосновывающие материалы для модернизации целлюлозно-бумажного производства Ляскельского ЦБК и специализации этого предприятия на выпуск экономически выгодной продукции с учетом возможности привлечения для производства работ финских фирм на компенсационной основе.

На заседании подготовительной комиссии по развитию лесной и целлюлозно-бумажной промышленности в рамках Госплана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1986 г. при Верховном Совете СССР отмечалось, что ряд предприятий ЛПК Карелии остался без сырьевой базы, в частности, к таковым был отнесен Кондопожский ЦБК. Целлюлозу приходилось возить через весь Союз из Братска, а недавно 1200 т целлюлозы надо было везти с Сахалина. Расстояние доставки сырья выросло до 10 000 км. На заседании той же комиссии отмечалось также, что в КАССР за предыдущие

2 десятилетия заготовка древесины сократилась с 16,8 млн. в 1965 г. до 10,4 млн. в 1985 г. Это позволило уже с 1979 г. заготавливать древесину в республике по общему объему в пределах расчетной лесосеки, хотя в хвойном хозяйстве все еще имел место переруб по отдельным лесхозам в лесах 2 и 3 групп. На 1986 г. и последующие годы расчетная лесосека по рубкам главного пользования и лесовосстановительным работам в республике была утверждена в размере 10,6 млн. куб., в том числе по хвойным 8,7 млн [2. Л. 23, 36–37]. Таким образом, в середине переруб расчетной лесосеки сохранялся как главная угроза природному потенциалу региона.

В то же время своим приказом Минлеспром СССР в сер. 1980 гг. сконцентрировал все силы для строительства новых предприятий ЛПК, которые были на тот момент в Европейской части СССР в двух районах Коми АССР и Архангельской области, где еще имелся лес. Именно в этих регионах, по свидетельству Министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР М. И. Бусыгина, в тот период времени велась большая работа для создания новых мощностей [2. Л. 47]. Другими словами, к началу перестройки стратегические интересы государства в плане развития отечественного ЛПК не были связаны с Карелией, лесной фонд которой был практически исчерпан и не позволял планировать здесь введение новых промышленных мощностей.

В то же время оставались проблемы, связанные не только с нерациональным использованием лесных ресурсов региона, но и с загрязнением его водных ресурсов и воздуха. В 1990 г. Комитет народного контроля СССР провел проверку «О неудовлетворительном выполнении требований природоохранного законодательства на предприятиях Минлеспрома СССР в 1990–1991 г.» на предприятиях объединения «Кареллеспром», согласно которой было установлено, что это объединение – самый крупный водопользователь на территории КАССР. Объем водоотведения в 1989 г. составил 204,2 млн. куб., что превысило 70 % от республиканского уровня. Из этого объема 201 млн. куб., или 98,5 % стоков, были загрязнены сточными водами, из которых более 18 млн. куб. было сброшено в водоемы без какой-либо очистки. В атмосферу городов и других населенных пунктов было выброшено 110 тыс. т вредных веществ, из которых свыше 76 тыс. т – без всякой очистки. Задание предотвратить загрязнения, построить природоохранные сооружения было выполнено неудовлетворительно. Причины были в недостаточном выделении Минлеспромом средств, в отсутствии современного (в основном импортного) оборудования, в несвоевременной разработке проектно-сметной документации, а также в недостаточном внимании руководителей всех уровней к этой проблеме [4. Л. 2–3].

По состоянию на 1 января 1993 г. по Северному экономическому району (СР) Карелия занимала 3 место среди 5 регионов по показателю общей площади лесного фонда – 14 771 тыс. га. При этом площадь, покрытая лесом к общей площади лесного фонда, имела самый низкий процент – 8983 тыс. га, или 60,8 %. У Коми эти показатели были 29 185 и 24 450 (83,8 %), Архангельской обл. – 27 277 и 19 752 (72,4 %), Вологодской обл. – 8434 и 6874 (81,5 %), Мурманской обл. – 9475 и 4962 (52,4 %). В результате по проценту лесистости Карелия оказалась среди регионов СР на предпоследнем месте – 50,4 %, так же, как и по общему

запасу древесины на корню – 849 млн. куб., уступив последнее место заведомому «аутсайдеру» в данных показателях – Мурманской обл. [8. С. 59]. В показателе лесовосстановления в период 1990-х гг. Карелия также занимала 4-е место по СР, опережая только Мурманскую обл. При этом показатели лесовосстановления в период с 1993 по 1997 гг. в Карелии, как и в других регионах СР, упали весьма значительно: с 38352 по 28912 гектаров [8. С. 66]. По количеству лесных пожаров Карелия в 1997 г. заняла 2-е место по СР – 875, однако по площади, пройденной пожарами, регион занимал одно из последних мест [8. Л. 89].

Географическая доступность и сравнительная дешевизна карельской древесины сделали ее природный потенциал на протяжении всего рассматриваемого периода главным фактором социально-экономического развития. В результате лесной фонд региона, при постоянных декларациях и попытках освоить лесные массивы восточных районов страны, эксплуатировался нерационально. Хронической проблемой советского периода было сохранение перманентного переруба расчетной лесосеки, что привело к истощению лесных ресурсов региона, сокращению лесозаготовительных предприятий, сворачиванию программ по запуску новых предприятий ЛПК. Серьезное истощение природного потенциала Карелии к концу XX столетия привело к снижению показателей производственного, демографического и социально-инфраструктурного потенциалов региона, который некогда был шестнадцатой союзной Карело-Финской республикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 51. Д. 3954.
2. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 296.
3. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 1293.
4. ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 9940.
5. Дудина У. В. Обзор научных подходов к определению понятий «природные ресурсы», «природный потенциал региона», «природно-ресурсный потенциал региона» // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 4 (69). С. 50–54.
6. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 19. Д. 56.
7. НАРК. Ф. П-3. Оп. 31. Д. 262.
8. Охрана окружающей среды в России. М., 1998. 202 с.
9. Программа коммунистической партии советского союза. [Эл. ресурс]. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/066.htm (Дата обращения: 20.12.2015).
10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 399. Оп. 1. Д. 124.
11. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 394.
12. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 454.
13. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 455.
14. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 771.
15. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 772.
16. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1141.
17. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1765.
18. РГАЭ. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1238.

19. РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 22.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 519.
21. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7032.
22. Шарнопольский Б. П., Пятаева О. А. Методы экономической оценки использования природного инвестиционного потенциала региона (на примере города-курорта Сочи) // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2009. № 3. С. 172–175.
23. Шаталова Т. Н., Айвазян С. В. Экономическая оценка природных ресурсов в структуре ресурсного потенциала региона: методологический аспект // Вестник Самарского муниципального института управления. 2011. № 2. С. 79–86.
24. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
25. Шегельман И. Р. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации 1946–1960 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 204 с.
26. Шегельман И. Р. Ресурсный потенциал как фактор развития приграничного региона // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 12 (18). С. 100–102.

Поступила в редакцию 23.08.2016

O. I. Kulagin

**Natural Potential of Karelia in the Second Half of the Twentieth Century:
Impulse towards Development or Negative Factor in the Life
of the Finno-Ugric Region in Russia**

The article investigates the impact of the natural potential of Karelia on the socio-economic development success in the republic. Timber industry especially during the second half of the twentieth century provided the basis for socio-economic development of the Finno-Ugric region. Having analyzed the use of natural resources, particularly the forest resources, in Karelia during the mentioned period the author concludes that they were exploited irrationally. Geographic accessibility and comparative cheapness of Karelian wood had resulted into serious exhaustion of the natural potential in the republic by the end of the twentieth century. This, in turn, led to a decline in industry and in demographic, social and infrastructural potential of Karelia in comparison with the neighboring regions of the North-West of Russia.

Keywords: Karelia, forest resources, natural potential, Finno-Ugric region, second half of the twentieth century.

Кулагин Олег Игоревич,

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33

E-mail: olkulagin@yandex.ru

Kulagin Oleg Igorevich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,

Petrozavodsk State University

185910, Russia, Petrozavodsk, Lenin St., 33

E-mail: olkulagin@yandex.ru